

УДК 165:32

И. Берлин о статусе политического знания

Алферов Анатолий Александрович

Доктор философских наук,
профессор кафедры социальной философии,
Южный федеральный университет,
344065, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, переулок Днепровский, 116;
e-mail: antal@list.ru

Аннотация

Анализируются взгляды И. Берлина на природу политического знания, на отношение политической философии и политической науки. Демонстрируется, что в основании разграничения политической философии и политической науки И. Берлин кладет оппозицию «ценностное – эмпирическое»: политическая философия занимается теоретическим осмыслением политической реальности, которое происходит с опорой на ценности, а политическая наука проводит эмпирическое изучение политической жизни. Делается вывод, что недостатком рассуждений Берлина о политическом знании является используемая им жесткая дихотомия «наука – философия», в которой не находится места социально-гуманитарным наукам как особому классу наук, к которым принадлежит и политология. Проводится сравнение позиций И. Берлина, Л. Штрауса и Б.Г. Капустина в понимании природы политического знания, определяется, что между ними общего и различного. Главное различие автор усматривает в том, что И. Берлин исходил из разрабатываемого им представления о плюрализме ценностей, а Л. Штраус и Б.Г. Капустин занимают позицию ценностного монизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Алферов А.А. И. Берлин о статусе политического знания // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 6А. С. 5-15.

Ключевые слова

Политическое знание, политическая теория, политическая философия, политическая наука, ценности.

Введение

И. Берлин – выдающийся политический философ XX в., он внес большой вклад в развитие политической мысли и всего социально-гуманитарного знания. Его учение о плюрализме ценностей, положение о двух свободах – негативной и позитивной, суждение о невозможности окончательного решения социально-политических проблем и построения совершенного общества сильно всколыхнули социально-политическую мысль, дискуссии не утихают по сей день. В сущности, И. Берлин явился автором особой версии либерализма, которая, как представляется, очень адекватна проблемам современной социальной действительности. На этом фоне остается несколько в тени разработка И. Берлиным вопроса о статусе политического знания, об отношении политической науки и философии. Между тем в этой области он также высказал оригинальные мысли, оригинальна и сама постановка им этого вопроса. Данная проблематика специально рассматривается им в эссе «Существует ли еще политическая теория?» [Берлин, Разрыв..., 2002; Берлин, Существует ли..., 2002], она затрагивается и в других работах английского мыслителя.

Во второй половине XX в. высказывались суждения о том, что политическая теория находится в упадке, переживает свой закат. В качестве симптома ее заката указывали на то, что она не демонстрирует более таких выдающихся политических обобщений, какими были в свое время работы Платона, Аристотеля, Гоббса, Руссо... А позитивистски ориентированные ученые считали, что традиционная политическая теория слишком метафизична, не соответствует идеалу эмпирической науки, и на этом основании тоже утверждали, что она не имеет права на существование, изжила себя [Павлов, 2008]. И. Берлин включился в эту полемику и высказал свое мнение.

Исследование

Обсуждая, имеет ли традиционная политическая теория право на существование, И. Берлин отталкивался от вопросов, которые она ставит и пытается решить. Он исходил из того, что если какая-то область знания изжила себя, то это значит, что или проблемы, которые она решала, потеряли значение в силу тех или иных происшедших изменений, или ее подход к решению данных проблем перестал удовлетворять и они перешли в ведение других областей знания, которые стали их решать по-иному. Как показывает Берлин, в случае с политической теорией ни того, ни другого не произошло. Что касается вопросов, которые ставила традиционная политическая теория (какова природа власти? в чем состоит равенство людей? какова сущность государства? в чем заключается свобода человека? и т. д.), то они ни в коей мере не утратили значения и актуальны, как и прежде. Что же касается перехода этих вопросов к другим дисциплинам, в которых они решались бы иным образом, то Берлин доказывает, что этого тоже не произошло и не может произойти по самому характеру этих вопросов.

И. Берлин исходил из того, что существуют два рода вопросов в науке, различающиеся по способу их решения: эмпирические и формально-логические. Первые решаются с помощью эмпирических подтверждений и опровержений, а вторые, относящиеся к области формальных дисциплин, важнейшими из которых являются логика и математика, – путем формально-логического вывода. И. Берлин подчеркивает, что мы, в принципе, знаем, как подходить к решению тех и других вопросов, какие методы использовать, какие ответы здесь являются уместными, а какие – нет. Но существует класс вопросов, которые не относятся ни к эмпирическим, ни к формально-логическим, т. е. они не могут быть решены ни тем, ни другим

способом. Эти вопросы весьма разнообразны, могут относиться к самым различным областям, и объединяет их, по мнению Берлина, то, что нам не известен способ их решения, не известно, как и где искать на них ответы. Эти вопросы, не попадающие в разряд ни эмпирических, ни формальных наук, т. е. вообще не относящиеся к науке, И. Берлин относит к философии, считает их философскими. Он пишет: «...Характерной особенностью именно философских вопросов является то, что они не отвечают... требованиям, предъявляемым любой самостоятельной наукой, главным их которых является то, что путь к их решению должен имплицитно содержаться в самой их формулировке» [Берлин, Существует ли..., 2002, 86-87].

Таков оригинальный и не лишенный оснований способ размежевания И. Берлиным науки и философии: пути решения научных проблем известны, они содержатся в самой науке, а философских проблем – не известны. Но он называл и другие признаки, характеризующие философское знание и отличающие его от научного. Так, особенностью философского знания он считал то, что многие из философских проблем имеют ценностную природу, так или иначе связаны с оценочными суждениями, тогда как научное знание стремится устранить оценочные моменты и выдержать идеал объективности.

Отличие философского знания от научного И. Берлин усматривал и в том, что философские концепции гораздо более долговременны, чем научные. В науке принимаются самые последние решения и отбрасываются прежние, которые признаются ложными или непоследовательными, а в философии этого не происходит, и философские концепции великих философов прошлого продолжают жить с нами, не утрачивая своего значения, и ни одной из них не удается одержать столь решающей победы, чтобы перечеркнуть все остальные.

Еще одно принципиальное свойство философского знания И. Берлин обнаруживает в направленности философии на анализ мышления, его конституирующих форм, моделей, с помощью которых человек в различные исторические эпохи и в различных обществах воспринимал те или иные реалии. Модели мышления, как он подчеркивает, могут конкурировать друг с другом, сталкиваться, и полем их столкновения является именно философия. «Задача философии, часто трудная и болезненная, заключается в извлечении и прояснении категорий и моделей, в терминах которых люди мыслят...» [Берлин, 1999, 97].

Все эти особенности, характеризующие философское знание, И. Берлин обнаруживает и в политической теории. Он отмечает, что общим у политической теории с философией является то, что вопросы, определяющие ее содержание, нельзя решить, опираясь на научные методы – эмпирические и формальные. Для решения подобных вопросов вообще нет никакой общепризнанной методики, считает он.

И. Берлин полагает также, что вопросы, которые трактует политическая теория, неизбежно связаны с оценочными суждениями. И понятия, которыми оперирует политическая теория (власть, суверенитет, свобода, справедливость и др.) имеют ценностную природу. Политическая теория, утверждает он, по самой природе своей не может избежать оценки. Поскольку же фундаментальные понятия политической теории относятся к ценностным понятиям, они допускают различные толкования и обычно нет всеобщего согласия относительно их смысла, тогда как в науках научное сообщество приходит к согласию относительно значения своих понятий. Представления о правах, справедливости, свободе, отмечает И. Берлин, «будут резко отличаться у теистов и атеистов, сторонников детерминизма и христиан, гегельянцев и эмпириков, романтиков-иррационалистов и марксистов и т. д.» [Берлин, Существует ли..., 2002, 89]. В этом отношении (ценностном) он сближает политическую теорию с такими областями философии, как этика и эстетика, полагая, что проблемы, стоящие перед этими тремя областями знания, обязательно выводят нас к ценностям. Он отмечает, что начиная с Платона и до наших

дней предпринимались настойчивые попытки превратить этику и эстетику в объективные науки, но всякий раз эти попытки оказывались безуспешными, так как они наталкивались на ценностную природу этих областей знания.

И. Берлин показывает также, что в области политической мысли великие политические теории, выдвинутые в прошлом, как и великие философские учения, со временем не теряют своего значения, по-прежнему вызывают споры и имеют своих приверженцев и критиков. Характер развития политической теории, следовательно, совпадает с характером развития философии и отличается от развития науки, в котором прежние концепции отбрасываются и затем представляют интерес только для историка науки.

Наконец, близость политической теории с философией И. Берлин усматривал в том, что политическая теория, как и философия, занимается разработкой моделей мышления, и это является важнейшей частью ее содержания. Политическая теория создает модели мышления политических явлений. О моделях или парадигмах, задающих характер нашего мышления в области политических значений, И. Берлин говорит довольно много. Он упоминает модели общественного договора, патриархата, органического общества, базиса и надстройки и др. Он также говорит о моделях Платона, Аристотеля, иудаизма, христианства, кантовского либерализма, романтизма, неотомизма, экзистенциализма.

И. Берлин не претендовал на перечисление политических моделей или их классификацию, он лишь стремился донести и обосновать мысль о существовании подобных моделей в области политического мышления и их роли. Происхождение моделей, подчеркивал Берлин, не эмпирическое, наоборот, с их помощью воспринимаются и интерпретируются данные опыта. Модели заимствуются из каких-либо областей знания или деятельности и представляют собой аналогии (с живым организмом, с внутрисемейными отношениями, с юридическим договором и т. д.), но они продуктивны в определенных отношениях и без них невозможно познавать общественную жизнь. В развитии политической мысли модели могут устаревать и заменяться новыми. («Никакая аналогия не обладает такой силой определять смысл понятий, чтобы они могли казаться правдоподобными нескольким поколениям людей» [там же, 103]).

Модели конкурируют друг с другом. Первый шаг аналитика политической мысли и первый шаг на пути к пониманию людей, отмечал И. Берлин, состоит в обнаружении моделей, которые определяют мышление этих людей, и это подчас – весьма трудная задача, а вторая задача заключается в том, чтобы проанализировать саму модель, ее содержание. Цель подобного анализа – прояснение, но необходимо учитывать, что эта работа аналитика может выявить дефекты модели и подорвать то, что описывается. Если нас с прошлыми эпохами связывает общая модель мышления, то мы легко поймем проблемы, с которыми сталкивались люди прошлого, и попытки их разрешения, если же модели мышления в прошлом были иные, чем у нас, то с пониманием могут возникнуть затруднения и здесь необходимы усилия, чтобы привести себя в то состояние ума, в котором господствовала теперь уже отброшенная модель, и если у нас не хватает знаний и воображения, чтобы проделать это, то мысли и действия людей прошлого останутся для нас непонятными. Анализ мышления, в данном случае – политического мышления, – это, по Берлину, опять же, не эмпирическая и не формально-логическая, а философская задача.

Он, таким образом, проводил далеко идущее сближение политической теории с философией, и политическая теория, согласно Берлину, имеет философское содержание. Политическая теория оказывается у него, в сущности, политической философией. На вопрос «существует ли еще политическая теория?» он дает утвердительный ответ, и это есть у него утвердительный ответ о существовании политической философии и ее значении для

человеческой жизнедеятельности.

Однако если политическая теория по своему духу и содержанию является, в сущности, политической философией, то возможна ли политическая наука? И если возможна, то что она собой представляет? Какой ответ на эти вопросы давал И. Берлин?

Он склонялся к тому, что политическая наука занимается эмпирическими исследованиями политической жизни. Этот вывод закономерно следует из его деления наук на эмпирические и формальные и из того обстоятельства, что политическую теорию он относит к философии. По мысли Берлина, политическая наука, опираясь на эмпирический материал, изучает конкретные вопросы из области политики, как, например, образование и поведение политических партий, политических элит, методы проведения разного рода демократических процедур и т. д. При этом специалисты, занимающиеся подобными исследованиями, на основе эмпирического материала тоже создают определенные теории, представляющие собой «причинные или функциональные гипотезы и объяснения, предназначенные описывать только то, что происходит», – так сказать теории низшего уровня, отличные от теорий, предлагающих фундаментальные объяснения политических явлений и пользующихся ценностными понятиями.

Специалистов, занимающихся этими эмпирическими исследованиями, нельзя назвать политическими философами или социальными теоретиками в широком смысле слова, замечает И. Берлин. Различие между политической наукой и политической философией в данном случае пролегает у Берлина по принципу «эмпирический – ценностный» – по принципу различия подходов к изучаемой политической области, что находит выражение и в вопросах, которые ставятся и решаются в том и другом случаях, и в методах исследования, и в используемых понятиях, и что Берлиным резюмируется как различие научного и философского взглядов.

Вместе с тем английский мыслитель фиксирует не только различие, но и связь этих двух подходов: он отмечает, что те, кто занимается эмпирическими исследованиями политической жизни, не могут освободиться от политической философии, поскольку они неизбежно рассуждают в рамках тех или иных представлений о человеке и его целях, которые они разделяют, а подобные представления относятся к ведению философии.

Различие между политической философией и наукой пролегает у Берлина и еще по одному признаку. А именно, он утверждал, что политическая философия занимается разработкой и обоснованием общественных и политических целей, а политическая наука изыскивает средства для достижения этих целей и поэтому является прикладной наукой. Цель имеет ценностную природу и, обосновывая ту или иную цель, мы занимаемся ценностным выбором и находимся в сфере политической философии, а определение средств достижения цели – прикладная, техническая задача, которая решается политической наукой.

Что касается общественной (политической) цели, то для Берлина неприемлема позиция тех мыслителей и философских течений, которые считали, что человеческие цели объективны и их нужно только «открыть». Этой позиции придерживались философы различной ориентации – и Платон с Аристотелем, и томисты, и представители Просвещения, которые выводили человеческие цели из «естественной» природы человека и полагали, что они могут быть обоснованы естественно-научным образом, и марксисты... И. Берлин солидарен с теми мыслителями и философскими течениями, которые считали, что цели деятельности не открываются, а создаются, устанавливаются индивидами, культурами и нациями. Если человеческая цель объективна, то она не подлежит обсуждению, что устраняет важнейшую задачу политической философии, состоящую именно в обсуждении целей, и тогда, как подчеркивал И. Берлин, остается только техническая задача установления способов достижения этой цели.

И. Берлин, в общем, понимает, что отношения между социальной целью и средствами ее достижения слишком сложны, чтобы называть поиск средств достижения цели технической задачей. Так, он отмечает, что на практике та или иная цель, которая может скрепить общество (общее благо, соблюдение закона Божьего, свобода, национальное самоутверждение и т. д.), носит такой общий характер, что остается открытым вопрос, в каком образе жизни или поведения она воплощается, и на этой основе могут возникнуть разногласия; что дистанция между целью и средством заполняется промежуточными этапами, каждый из которых может становиться самостоятельной целью и на каждом из которых может возникнуть конфликт ценностей, и др. Тем не менее он считал возможным на основе противопоставления цели и средства произвести различие задач политической философии и политической науки.

Так как в качестве конечных человеческих целей выступают определенные ценности, то отношения между целями таковы же, что и отношения ценностей: цели могут конфликтовать, быть несовместимыми друг с другом, требовать выбора, возможны монизм и плюрализм целей. И. Берлин особо останавливался на последнем. Он задается вопросом: в каком обществе возможна полноценная политическая философия? И отвечает: в обществе, в котором нет единой всеми признанной цели, потому что если бы существовала единственная цель, то все сводилось бы к отысканию путей достижения этой цели, а это задача не политической философии, а политической науки. С другой стороны, политическая наука предполагает именно согласие относительно цели для того, чтобы можно было заняться изучением средств ее достижения. Получается, что политическая философия возможна только в плюралистическом обществе, в котором идут дискуссии относительно целей развития, а политическая наука возможна в монистическом обществе и, по-видимому, и в плюралистическом обществе, когда обсуждаются средства достижения той или иной цели. К такому выводу Берлина приводит последовательное проведение принятого им весьма жесткого разграничения науки и философии. К обществам с консолидированной целью, в которых нет почвы для политических дискуссий и политической философии, И. Берлин относил из обществ XX в. в первую очередь нацистскую Германию и коммунистическую Россию.

В вопросе о возникновении науки И. Берлин придерживался той точки зрения, что первоначально все знание принадлежало философии, а затем от философии отделялись различные области знания, которые становились самостоятельными науками. Таким образом, по мнению Берлина, появились естественные эмпирические и формальные науки. Как только понятия становились четкими и общепризнанными (в сообществе ученых) и появлялись специальные методы исследования, происходило конституирование самостоятельной науки, полагает Берлин. И этот процесс, по его мнению, продолжается и в настоящее время, и ряд дисциплин располагаются на «нейтральной полосе» (между философией и наукой) и готовы сделать еще один шаг, чтобы превратиться во вполне самостоятельные науки.

Чтобы лучше оттенить позицию И. Берлина, приведем иные взгляды на природу политического знания, которые высказывались другими либеральными политическими мыслителями. Известный политолог XX в. Лео Штраус считал, что политическое знание неизбежно предполагает ценностные суждения, оценку. Он был не согласен с позитивистами, которые, различая суждения факта и оценочные суждения, предлагали устранить последние из социальных наук, чтобы социальное знание вполне соответствовало образцу естественно-научного знания. «Невозможно изучать социальные феномены, ... не вынося при этом ценностных суждений» [Штраус, 2000, 19]. Он так же, как и Берлин, отмечал, что политические понятия, кажущиеся описательными, на деле скрывают в себе оценку.

Однако Л. Штраус считал, что различия оценок в политическом знании быть не должно, что есть правильная оценка, а остальные неверны. Подобный подход, очевидно, исключает плюрализм ценностей, который имел в виду И. Берлин, и ведет к ценностному монизму. Центральной задачей политической философии является, по мнению Штрауса, разработка представления о «хорошем обществе», т. е. обществе, в котором вполне реализуются «правильные» ценности. «Политическая философия, – писал он, – это, с одной стороны, попытка выяснить истинную природу политических вещей, а с другой, – узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок» [там же, 11]. В этом пункте также налицо его расхождение с Берлиным. Последний скептически относился к «совершенному обществу», в котором гармонично сочетались бы все главные ценности, – совершенное общество он считал утопией. Если И. Берлин полагал, что ценностные расхождения должны улаживаться на основе взаимопонимания и терпимости, то Л. Штраус утверждал, что конфликт ценностей разрешим на основании разума, т. е. что можно и нужно доказать несостоятельность иных ценностей.

Л. Штраус также различал политическую философию и политическую науку. Он считал, что политическая философия разделяет все особенности философии вообще, а политическая наука предполагает такие исследования политических вещей, которые руководствуются моделью естественных наук. Он писал, что подобно тому как подлинное познание природных вещей началось тогда, когда люди от бесплодных и пустых спекуляций обратились к эмпирическому и экспериментальному исследованию, подлинное познание политических вещей начнется тогда, когда политическая философия полностью уступит дорогу научному исследованию политики [там же, 13].

Но это у него не означает, что политическая наука должна ограничиться эмпирическим, фактологическим изучением политических явлений. Ценностная составляющая у него определяет и философию, и науку. Политическая наука предполагает теоретизирование, которое должно протекать с опорой на ценности. Но Штраус был склонен относить к науке один, определенный ценностный подход (либерализм), а все иные подходы считать ненаучными. Это и будет, по его мнению, политическая наука, которая должна упразднить политическую философию. И. Берлин отдавал науке то, что может обойтись без ценностей вообще, т. е. эмпиризм, голую констатацию, а Штраус берет определенный ценностный подход и предлагает его считать научным.

Российский политолог Б.Г. Капустин считает, что политическое знание имеет ценностную природу, и это знание образует политическую философию, и именно по ценностному основанию политическая философия отличается от политической науки, которая является ценностно нейтральной. «Позиция политического философа, – пишет Б.Г. Капустин, – не может быть позицией бесстрастного наблюдателя, регистратора фактов и знатока политических технологий как таковых. В отличие от политической философии политическая наука имеет дело только с фактами, с их взаимосвязями» [Капустин, 1996]. В различении политической философии и науки он использует представления И. Канта о теоретическом и практическом разуме. Он полагает, что политическая наука, как и всякая наука, действует в поле детерминизма, нахождения причинной обусловленности явлений, а политическая философия использует представление о свободной причинности, выражающейся в долженствовании, признании не только сущего, но и должного. Политическая философия, по его мнению, реализует духовно-практическое отношение к социальной действительности.

Б.Г. Капустин также отмечает, что политическая философия имеет дело с политическими целями, их выдвиганием и обоснованием. Если же политика исчерпывается изысканием

средств достижения тех или иных целей, то она перестает быть собой и превращается в администрирование.

Признав, что политическая философия имеет ценностное содержание, Б.Г. Капустин сближает ее с моральной философией, соответственно, сближает политику и мораль. Политическое сознание, по его мнению, должно содержать долженствование, и это есть моральное долженствование. Он пишет: «Предметы конституируются в качестве политических лишь тогда, когда они оказываются в модальности долженствования, когда они могут быть оценены в категориях добра и зла, справедливого и несправедливого и когда они существуют в смысловом поле таких оценок» [там же, 90].

Можно констатировать, что в различении политической философии и науки Б.Г. Капустин близок к Берлину. Он, как и Берлин, считает, что данное различие коренится в том, реализуется или не реализуется ценностный подход к политическим явлениям. Политическая философия реализует ценностный подход, а политическая наука нейтральна в ценностном отношении. Важнейший же вопрос, в котором взгляды И. Берлина и Б. Капустина радикально расходятся, касается плюрализма ценностей. У Берлина ценностный подход был связан именно с ценностным плюрализмом, он исходил из констатации, что существуют различные культуры и общества, принимающие различные ценности, и это состояние он считал вполне допустимым и даже продуктивным. Б.Г. Капустин же исходит из предполагаемого расширения и развития одной определенной ценностной системы и традиции – либеральной, его позиция может быть охарактеризована как ценностный монизм. Нравственное долженствование, которое он стремится ввести в сферу политического сознания, он понимает как долженствование либеральных ценностей, полагая, что они могут и должны иметь универсальное значение. Осуществляемое им сближение политического и морального сознания служит у него тому, чтобы возвести в ранг моральных (нравственно-разумных) либеральные политические ценности, и прежде всего такую основополагающую ценность либерализма, как свобода.

Как видим, рассматриваемые авторы решали вопрос об отношении политической философии и науки. Вопрос о разграничении науки и философии был поставлен, как известно, позитивизмом, в XX в. – логическим позитивизмом, объявившим, что научное знание должно отвечать принципам верифицируемости и фальсифицируемости (эмпирической подтверждаемости и опровергаемости), а все, что этому не отвечает, есть не наука, а метафизика (философия). В политической области знания принятие этой установки позитивизма вело к ориентации на эмпирические исследования и стремлению избавиться от оценочных высказываний. Известно, однако, что программу размежевания научных и ненаучных высказываний вполне реализовать логический позитивизм не смог (в разряд ненаучных попадали высказывания, которые были явно необходимы науке). И если отделение науки от философии не удалось вполне реализовать даже для естествознания, то для политического знания осуществить это просто невозможно, потому что оценочные высказывания, как показывают И. Берлин и другие авторы, входят в структуру политического знания в качестве его важнейшего компонента.

Разграничивать политическую науку и философию по тому основанию, что политическая наука имеет эмпирический характер, а политическая философия – теоретический, было бы не верным по отношению к науке, так как наука не может не делать теоретических обобщений, наука вообще характеризуется теоретическим отношением к действительности. Эмпирическое и теоретическое – это два уровня научного знания, которые нерасторжимо связаны, и эмпирическое знание не обходится без теоретических предпосылок. Но теоретические построения, конечно, могут различаться по уровню обобщения, широте охвата: концепции

могут быть более широкими, охватывающими и, соответственно, более удаленными от фактуального, эмпирического базиса, и менее широкими, соответственно – более приближенными к эмпирии. Если угодно, это различие в степени общности можно положить в основание различия политической науки и философии, но, разумеется, такое разграничение будет относительным и условным.

Если же пытаться различать политическую философию и науку на том основании, что политическая философия реализует ценностный подход к социальной действительности, а политическая наука свободна от ценностей, то придется признать, что и это различие невозможно провести сколько-нибудь строго. Ведь если политическое знание содержит ценностную составляющую, то она пронизывает все это знание, все его уровни. Но, опять же, нужно отметить, что в теориях более высокого уровня, широких и охватывающих, ценностное содержание будет проступать более отчетливо и непосредственно, а в теориях малого охвата будет превалировать эмпирическое содержание. В отдельные исторические периоды развития политической мысли возрастает интерес к широким теоретическим обобщениям и, соответственно, ослабевает мотивация к частным теоретическим построениям, непосредственно связанным с эмпирическими данными, и наоборот [Павлов, 2008]. Сказываются на предпочтении к широким теоретическим обобщениям или эмпирическим исследованиям и особенности национальных культур.

Представляется, что слабым местом рассуждений И. Берлина о политическом знании является используемая им дихотомия «наука – философия», по которой все, что не отвечает стандартам эмпирических и формально-логических наук, есть не наука, а философия. В этой дихотомии не оказывается места социальным и гуманитарным наукам как особому классу наук, к которому могла бы относиться и политология. И поэтому политическая область знания оказывается у него разорванной на политическую философию, представляющую собой чистую теорию, и политическую науку, оказывающуюся чистой эмпирией. И. Берлин очень хорошо показал ценностную нагруженность политической теории, но это справедливо в отношении социального познания вообще, и именно наличие ценностной составляющей является одним из главных отличий социально-гуманитарного познания от естественно-научного.

Заключение

И. Берлин сближал политическую теорию с философией, политическая теория оказывается у него, в сущности, политической философией. Близость политической теории с философией проявляется, на его взгляд, в том, что политическая теория, как и философия, связана с оценочными понятиями и суждениями; политические теории, как и философские, отличаются более долговременным характером по сравнению с научными концепциями; они нацелены на анализ мышления, занимаются разработкой моделей мышления политических явлений. Что касается политической науки, то она, по его мнению, занимается эмпирическими исследованиями политической жизни, изучает конкретные вопросы. Различие между политической наукой и политической философией пролегает у Берлина по противопоставлению «эмпирический – ценностный», а также по тому признаку, что политическая философия занимается обоснованием политических целей, а политическая наука разрабатывает средства их достижения. Он верно указывал, что социальные (политические) цели не являются объективными, они не «открываются», а устанавливаются людьми, а также что существует плюрализм целей (как и плюрализм ценностей) и между ними возможен конфликт. Для политической философии, по его мнению, открывается простор в «плюралистическом»

обществе, в котором ведутся дискуссии относительно целей общественного развития, и она невозможна в «монистическом» обществе, в котором всеми признается единственная цель.

Недостатком рассуждений И. Берлина о политическом знании является используемая им дихотомия «наука – философия», в которой не находится места для социально-гуманитарных наук как особого класса наук, занимающих в определенном смысле промежуточное положение между наукой и философией, но обладающих и эмпирическим, и теоретическим уровнями знания.

Библиография

1. Берлин И. Мой интеллектуальный путь // Логос. 2001. № 4 (30). С. 48-64.
2. Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 91-98.
3. Берлин И. Разрыв между естественными и гуманитарными науками // Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+, 2002. С. 369-411.
4. Берлин И. Существует ли еще политическая теория? // Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+, 2002. С. 81-123.
5. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). Политическая наука: новые направления (Часть VI). М.: Вече, 1999. С. 453-526.
6. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во Московского университета; Книжный дом «Университет», 2004. 496 с.
7. Капустин Б.Г. Тезисы о политической философии // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 22-30.
8. Капустин Б.Г. Что такое политическая философия? (Часть I) // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 83-96.
9. Павлов А. (ред.). Политическая теория в XX веке. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 416 с.
10. Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.

I. Berlin on the status of political knowledge

Anatolii A. Alferov

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of social philosophy,
Southern Federal University,

344065, 116 Dneprovskii lane, Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: antal@list.ru

Abstract

The author of this article analyzes the views of I. Berlin on the nature of political knowledge, on the relationships between political philosophy and political science. The article demonstrates that I. Berlin puts the opposition "value – empirical" as the foundation of the distinction between political philosophy and political science: political philosophy engages in theoretical comprehension of political reality, which is based on values, and political science conducts an empirical study of political life. The author concludes that the lack of reasoning by Berlin on political knowledge is the rigid dichotomy "science - philosophy" used by him, in which there is no place for social and humanitarian sciences as special class of sciences which occupy an intermediate position between science and philosophy, but have both empirical and theoretical levels of knowledge, and to which

political science also belongs. The author also compares the positions of I. Berlin, L. Strauss and B.G. Kapustin in understanding the nature of political knowledge and determines their similarities and differences. The author sees the main difference between them in the fact that I. Berlin proceeded from the concept he developed on the pluralism of values, and L. Strauss and B.G. Kapustin occupy a position of value monism.

For citation

Alferov A.A. (2017) I. Berlin o statuse politicheskogo znaniya [I. Berlin on the status of political knowledge] *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (6A), pp. 5-15.

Keywords

Political knowledge, political theory, political philosophy, political science, values.

References

1. Berlin I. Moi intellektual'nyi put' [My intellectual path]// Logos. 2001. № 4 (30). S. 48-64.
2. Berlin I. Naznachenie filosofii [The appointment of philosophy]// Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 1999. № 5. S. 91-98.
3. Berlin I. Razryv mezhdru estestvennymi i gumanitarnymi naukami [The gap between the natural and human sciences]// Podlinnaya tsel' poznaniya. Izbrannye esse [I. Berlin. The real purpose of knowing. Selected essays.]. M.: Kanon+, 2002. S. 369-411.
4. Berlin I. Sushchestvuet li eshche politicheskaya teoriya? [Is there still a political theory?]/ Podlinnaya tsel' poznaniya. Izbrannye esse [I. Berlin. The real purpose of knowing. Selected essays.]. M.: Kanon+, 2002. S. 81-123.
5. Gudin R., Klingemann Kh.-D. (red.). Politicheskaya nauka: novye napravleniya (Chast' VI) [Political Science: New Directions (Part VI)]. M.: Veche, 1999. S. 453-526.
6. Kapustin B.G. Moral'nyi vybor v politike [Moral choice in politics]. M.: Izd-vo Moskovskogo uni-versiteta; Knizhnyi dom «Universitet», 2004. 496 s.
7. Kapustin B.G. Tezisy o politicheskoi filosofii [Theses on political philosophy]// Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2010. № 2. S. 22-30.
8. Kapustin B.G. Chto takoe politicheskaya filosofiya? (Chast' I) [What is political philosophy? (Part I)]// Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 1996. № 6. S. 83-96.
9. Pavlov A. (red.). Politicheskaya teoriya v KhKh veke. Sbornik statei [Political theory in the twentieth century. Digest of articles]. M.: Iz-datel'skii dom «Territoriya budushchego», 2008. 416 s.
10. Shtraus L. Vvedenie v politicheskuyu filosofiyyu [Introduction to political philosophy]. M.: Logos, Praksis, 2000. 364 s.